

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

АРИЯ ИНДИЙСКОГО ГОСТЯ *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I*

№ 51. «Султан Джин Ахмет, индийский принц из династии Великих Моголов» [28/31 октября – декабрь 1734 ?] – неизвестное лицо

Объективных сведений об этом отчаянном авантюристе почти нет. Судя по его мифической биографии, он в общих чертах знал историю династии Великих Моголов с воцарения Аурангзеба (1658–1707). Самозванец называл его своим прадедом по отцовской линии. Дедом же был якобы султан Акбар, который в 1690-х годах убежал в Персию, чтобы не погибнуть от рук других сыновей «императора Индустанского», но которого Аурангзеб накануне смерти «с детми его благословил» на царство (на самом деле Акбар в 1680 году поднял мятеж против Аурангзеба и умер на чужбине в 1704-м). Младший сын изгнанника – султан Мирав, любимец Аурангзеба, якобы и был отцом нашего героя, которому волею обстоятельств пришлось покинуть родину. Сначала он укрылся в Бенгалии (на северо-востоке Индостана), а оттуда приплыл на север Явы – в Батавию (ныне Джакарта), главную факторию Голландской Ост-Индской компании. Там он будто бы узнал, что волею падишаха отправлен в заграничную ссылку на семь лет, после чего и отправился бродить по свету.

При этом «султан» утверждал, что его родной язык – «гинденской» (хинди). Между тем Великие Моголы и их придворные говорили на тюркском, арабском и персидском языках. Самозванец же этих языков не знал. Отсюда гипотеза: им был подданный Великих Моголов, родившийся в северной или центральной Индии (регион хинди). У него, вероятно, была светлая кожа – именно этим внешне отличались от индусов «моголы»¹. Хотя последние исповедовали ислам, наш герой был, видимо, христианином – судя по тому, что искал поддержки главным образом у христианских монархов, посещал европейские университеты, называл столицу Турции не Стамбулом, а Константинополем, изучал анатомию². А то, что он тесно общался с иезуитами и дискутировал с богословами-протестантами, позволяет считать его католиком. Соответственно будущий самозванец мог родиться в семье иммигрантов-европейцев, например, в Агре. Там с начала XVII века жили несколько десятков «христианских семейств», выходцев из которых обучали в местном «коллегиуме» иезуиты³. Кстати, это предположение может объяснить, почему «принц» не испытывал проблем с латынью и как он сумел быстро овладеть итальянским и французским.

Предположительно наш герой (будем звать его Джин Ахмет) родился около 1710 года, а путешествие из Бенгалии к Яве проделал в начале 1729-го. Вероятно, был холост. На европейский корабль попал, скорее всего, матросом («султаном» он станет гораздо позже). В Батавии он сошёл на берег и жил до тех пор, пока «тамошней комендант» не посоветовал ему «более тамо не медлить». Не позднее лета искатель приключений (очевидно, вновь матросом) отплыл в «Кап-де-Бон-Есперанца» – столицу голландской Капской колонии у Мыса Доброй Надежды (ныне Кейптаун). Там Джин Ахмет «двух американских принцев (видимо, сыновей индейских вождей. – О. У.) видеть получил и вкуче с ними назад в Батавию возвратился». Оттуда корабль с «американскими принцами» на борту и с будущим «султаном», поступившим, видимо, к ним в услужение, направился к Северной Америке – в английскую колонию Каролина. В Каролине выяснилось, что «между соседними королями (индейскими вождями. – О. У.) некоторое несогласие произошло, и для того два короля из

оных с двумя принцами... в Англию поехали, дабы тамо союза и помощи у короля англинского просить». И Джин Ахмет «с ними туда в таком намерении путь восприял, дабы паки с ними по окончании дел в Каролину возвратитца».

Примерно осенью 1729-го он оказался в Лондоне. Здесь наш герой «поссорился» со своими спутниками и, очевидно, опять пошёл в матросы – «в Голандию поехал, чтоб и сию землю посмотреть, откуда... в Лондон возвратился». Тут он «к знатному герцогу из Франции именем Санкт-Эниану пристал и с ним в Париж поехал». На французской земле авантюрист прожил, скорее всего, до весны. Затем он «в Италию путь восприял и в Неаполе, Риме и Венеции был». На Апеннингах он провёл с полгода. Там у него и возникла идея самозванства: он вдруг осознал, что столь необходимые ему средства «собственным поступком... от земных богов (монархов. – *О. У.*) требовать принуждён». Возможно, Джин Ахмет видел арабских «властителей», о которых мы говорили когда-то, или слышал об их похождениях. Возможно также, что он подкрепил свои познания о Великих Моголах сведениями из книг, изданных в Европе.

Не позже сентября 1730 года он прибыл в Стамбул, где предстал в облике «индийского принца» и как таковой «протекции Оттоманской Порты просил». Вероятно, какую-то милость ему оказали, ибо вскоре «по рекомендации добрых друзей и с позволения тогдашняго салтана Ахмета» (Ахмеда III) он поехал в Австрию вместе с посланником Мустафой-эфенди «при свите его». Посему можно предположить, что в Турции лжепринц выдавал себя за мусульманина. Кто знает, как бы дальше сложилась его жизнь, если бы 1 октября восставшие янычары не свергли Ахмеда III. Посольство уже было в Вене, однако Мустафа-эфенди был «назад позван и удушен». Оставшийся без покровителя самозванец «намерение принял далее Германию смотреть и честным поступкам при дворах обучатца». Из Вены он отправился в Прагу – столицу королевства Богемия в составе Священной Римской империи. Там он «частое обхождение имел» с иезуитами, а также с неким «профессором в философии патером Волкердорфом» (в католическом университете?).

Примерно в начале февраля 1731 года Джин Ахмет из Праги поехал на юго-запад – в Ингольштадт, крепость в курфюршестве Бавария, при впадении Шмутгера в Дунай. Там имелся католический университет, но пребывание там было недолгим. Лжепринц проследовал на северо-запад в Ганау – столицу одноимённого имперского графства, где «несколько дней обретался» при дворе местного правителя Иоганна Рейнхарда II (1685–1736). Затем ловец

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4, 5.

[с. 42]

удачи проехал недалеко на запад – в «имперский город» (город-республику) Франкфурт-на-Майне «и тамо у генерала-почтмейстера князя Тирен-Таксиса (Турн-и-Таксис. – *О. У.*) пребывал». Получив рекомендательное письмо, лжесултан отправился на юг в Дармштадт – столицу ландграфства Гессен-Дармштадт «и тамо несколько недел[ь] обретался» на иждивении Эрнста Людвиг I (1678–1739). Очевидно, не без помощи графа Джин Ахмет «случай получил обучатца» в лютеранском университете Гиссена – главного города провинции Обергессен указанного ландграфства. Вряд ли самозванец там провёл меньше месяца. Но поскольку он «в... науках никакого удовольствия не усмотрел, то... намерение принял немедленно ещё к некоторым княжеским дворам... ехать» и отправился на запад.

В апреле он провёл несколько дней в Дилленбурге – столице герцогства Нассау-Дилленбург, на реке Лане. Тамошний владетель Христиан (1724–1739) снабдил «принца» очередной «рекомендацией», и тот поехал «к вдовствующей княгине Нассау-Сигенской герцогине Курляндской... и при дворе ея несколько дней обретался». Стало быть, искатель

фортуны пребывал в городе Зиген, на реке Зиг. Оттуда с «рекомендацией» к герцогине Брауншвейг-Бевернской он проследовал на северо-восток и, очевидно, провёл несколько дней в селении Беверн, при реке Бевер. С ним виделся и правящий герцог Фердинанд-Альбрехт II (умер в 1735), и его второй сын Антон-Ульрих, будущий жених принцессы Елизаветы Мекленбург-Шверинской – Анны Леопольдовны, племянницы русской императрицы Анны Иоанновны (умер в 1774).

Затем Джин Ахмет направил свои стопы обратно на юго-запад. На пару месяцев, а то и больше, он сделал остановку в Марбурге – городе курфюршества Гессен-Кассель, на реке Лане. Там был протестантский университет, в котором работал знаменитый немецкий философ Христиан Вольф (1679–1754). С ним самозванец «частое обхождение имел и много от него в науках профитовал» (пользы получил. – *О. У.*). Кроме того, если верить «султану», он имел встречу с Фридрихом I, ландграфом Гессен-Кассельским (1730–1751) и одновременно шведским королём (с 1720-го; в 1731-м действительно был вне Швеции). Однако затем лжемонарх «с одним кавалером (видимо, студентом. – *О. У.*) поссорился и для того принуждён был от университета удалитца».

Его новым пристанищем стало ландграфство Гессен-Кассель. Около месяца он провёл при дворе Вильгельма, брата и наместника Фридриха I, в Касселе, на реке Фульде, а потом не менее месяца в Ринтельне – городе близ реки Везера, где был протестантский университет. Джин Ахмет потом вспоминал: «Но как меня его светлость принц Вилгелм со всякою особливою милостию в Риндель послал, дабы и тамошней университет мне видеть, то я тамо спор с реформатскими (кальвинистскими. – *О. У.*) и лютеранскими духовными имел и орацию (публичную речь. – *О. У.*) отправлял, каким образом надлежит Богу рассудительно служить». Наш герой успел и поучиться анатомии «у профессора Циглера, родом швейцара», который потом писал-де о нём – в положительном смысле – какому-то петербургскому профессору, тоже родом из Швейцарии.

Затем лжесултан перебрался на север – в Ганновер, столицу одноимённого курфюршества. Там, по словам авантюриста, он «всепокорнейший поклон отдал» местному правителю и одновременно английскому королю Георгу II Августу (1727–1760), и тот якобы вспомнил, что видел самозванца в Англии. Дальнейший путь ловца удачи лежал на юг – в герцогство Брауншвейг-Вольфенбюттель, где он «его светлости владеющему герцогу... поклон отправил» (очевидно, имеется в виду Людвиг-Рудольф, тесть царевича Алексея Петровича и дед по матери императора Петра II). В ответ самозванец «от него многую учтивость имел» – в частности, герцог послал его «на своём иждивении» в Гельмштедт. В тамошнем протестантском университете «султан» «довольно наукам обучался и в день тезоименитства Его римско-цесарского величества, то есть 1-го октября 1731-го году, орацию отправлял». (Дело в том, что женой Карла VI, императора Священной Римской империи (1711–1740), была дочь Людвиг Рудольфа). Однако тут лжемонарх опять проявил свой гонор и, «с студентом поссорясь, уклонитца принуждён был».

Он отправился на восток и к началу 1732 года обосновался в Магдебурге – протестантском городе-республике на Эльбе, в королевстве Пруссия. Спустя полтора месяца он перебрался в Цербст – столицу протестантского герцогства Ангальт-Цербст, на реке Нуте, к югу от Магдебурга. Три месяца он жил при дворе Иоганна Августа (1718–1742) и «много милости и всякой учтивости тамо получил». Но ему всё было мало, и он «вознамерился ещё у некоторых княжеских домов протекции и милости искать». До конца года самозванец, вероятно, занимался тем, что объезжал германские государства, правителям которых он ещё не докучал. «А потом, объездя оные, в университетех... обретался, дабы пристойных наук и квалитетов (нем. *Qualität* – качество, свойство. – *О. У.*) обучитца».

Сначала наш герой учился в Галле – городе-республике на реке Заале, в Пруссии (южнее Магдебурга), где был протестантский университет. В феврале 1733 года самозванец получил там свидетельство об образовании – «печатной патент на латинском языке, данной из Галской академии за рукою Юста Генцига Бемера, вице-ректора помянутой академии, ост-

индейскому принцу Жин Ахмету» (потом, правда, сей документ «у него абезьяна изодрала»). Следующей *Alma mater* стал протестантский же университет в Лейпциге, на территории курфюршества Саксонского, к юго-востоку от Галле. Затем его приютила Йена – столица герцогства Саксен-Йенского, на левом берегу Заале, к юго-западу от Лейпцига и Галле; там тоже был протестантский университет. Не позже лета 1733-го «султан» перебрался в Голландию – «для вящего получения тамо успеха в... науках». Какое-то время он провёл в знаменитом протестантском университете Лейдена, а потом переехал в Утрехт, где было аналогичное заведение. Последним пунктом образовательного тура был Гамбург. В этом городе-республике, на правом берегу Эльбы, лжепринц «много учёных и знатных людей» узнал и «с ними частое обхождение имел». Одним из них был пастор Иоганн Альберт Фабрициус (1668–1736) – филолог, профессор морали и красноречия в местной академической гимназии.

Недавний матрос и прислужник стал просвещённым человеком. Он владел французским, итальянским, немецким и латынью. «На латинском и немецком языках философию Конфуции (Конфуция. – *О. У.*) он слушал, а «Юснатуру» Пуфендорфа⁴ – на латинском языке, а на французском Гроциуса⁵ учил». Он также знал, что в России есть красивый город Москва и что в Петербурге имеется Академия наук.

Примерно в начале 1734 года Джин Ахмет из Гамбурга почему-то перебрался далеко на восток – в Штеттин (Шецин), протестантский город-республику на Одере, в прусской Померании. Оттуда он поехал вспять на запад и посетил Штральзунд – город в шведской Померании, на берегу пролива Штрелазунд. Далее он двинулся Балтикой на север – в Стокгольм, где, по его словам, «при шведском дворе пребывал и всё видел». Он свёл знакомство с президентом Коммерц-коллегии и двумя купцами, один из которых «у короля шведского с ним был, и король его (самозванца. – *О. У.*) рекомендовал, что он (король. – *О. У.*), будучи в отечестве его (в Гессен-Касселе. – *О. У.*), об нём слышал». Получив «паспорт» у чрезвычайного посланника Михаила Петровича Бестужева, лжепринц 25 октября 1734 года отплыл в Россию.

[с. 43]

В Петербурге он был дня через три-четыре. Свидетелями его «проявления» на российской земле были, видимо, пограничники и таможенники. Получив разрешение на въезд в столицу, «султан» снял квартиру «в Задней от реки линии у капитана Вилде». Отдохнув несколько дней, он явился в Коллегию иностранных дел, где получил выговор за то, что не отметил сразу по приезде. Оправдывался он так: «В Коллегии иностранных дел не явился для того, что такого обычая не знал». На первом «ропросе» он также объявил: «Ездит смотреть света и сюды заехал для отдания Ея императорскому величеству нижайшаго поклона, и побывать в Москве, и потом возвратится в своё отечество чрез Англию». Ему велели предоставить в коллегию письменную «реляцию» и отпустили.

Через день-два «реляция», написанная самозванцем по-немецки, была доставлена по назначению и тут же переведена. Открывает её краткий очерк династических переворотов и интриг в империи Великих Моголов за последние 70 лет. Вот что интересно: автор ничего не говорит о судьбе «деда» и «отца», умалчивает и о том, что Аурангзеб завещал сыновьям поделить империю во избежание междоусобиц. Нужно также заметить, что если начальный рассказ полон дат, имён и подробностей, то в дальнейшем повествовании их почти нет.

Вторая часть «реляции» – мифическая биография нашего героя: «Мои родители меня до 10-ти лет моего возраста в магометанской вере воспитали, в которое время оба мои брата уже до таких лет достигли, что они действительно магометанской или могольской религии присягали (которая церемония обыкновенно прежде не чинится, как когда дети 13-ти лет возраста своего будут). Тогда случилось, что ража (правител) Тересирской и брамин⁶

Малдайской⁷, которой поганской (языческой; от лат. *paganus*. – *О. У.*) веры был, умер, и по нём ближайших наследников не осталось, кроме только происшедших из фамилии Магата. А понеже я ещё махометанской религии не присягал и ещё поганином не был, того ради меня из моего дому в поганское место в монастырь Бенгианин отвезли, где меня, пока мне 14 лет исполнилось, своим наукам и обычаям с философиєю о разных диспутах обучали; откуда я вскоре потом паки в Агру позван и Моголу представлен⁸, которой меня зело милостиво принял. Потом меня в Калликс-хове в науках пробовали, и в то время поганены (язычники. – *О. У.*) меня в свои правители и брамины призывали, еже падшаг (правительствующий государ) учинить и обещал. Тогда мне немедленно с 6000 человек в канвой дано, с которыми я паки в дом мой приехал, токмо мой брат Зебкан-Дарассиер тем недоволен был, но будучи он старее меня, сказал мне, что шаву (не х чему не годной прах) не довлеет над своим Государем правительствовать, и в ярости, несколько тысяч человек собрав, моих людей побил и меня в полон взял. Однако ж я из тюрьмы ушёл, чего ради он Катшиби-пашу послал меня сыскивать, и для того я тайно в Бенгален ушёл, и оттуды на пакет-ягте⁹ в Батавию я приехал».

Далее следовал рассказ об уже знакомых нам скитаниях самозванца по морям и по Европе. При этом «принц» утверждал, что об указе («патенте»), отправившем его в ссылку, он «уведомился» тогда, когда уже вернулся на Яву из Капской колонии. Одновременно-де он узнал и о том, что его брат убит.

Завершает «реляцию» такой пассаж: «Здес же, в Петербурге, желаю я Ея российско-императорского величества, неописанно-великой, в свете-прославленной, милости и протекции себя подвергнуть, всепокорнейшей поклон отдать и повсюды выхваляться, что я великою Ея императорского величества милостию ползовался. А отсюды я хочю с позволением и под протекциєю Ея императорского величества в Москву ехать и оной город видеть. По приезде же моём оттуды сюда намерен я паки чрез Швецию, Данию и Голандию в Англию ехать, откуда по прошествии 7 лет (на которые годы я от дому моего отлучён) назад в отечество моё возвратитца».

После изучения «реляции» Коллегия иностранных дел устроила Джину Ахмету повторный «роспрос», чтобы окончательно выяснить, не самозванец ли он. В частности, российских чиновников смущало, что у него нет слуг. По этому поводу лжепринц им сообщил: «Природных служителей он имел 6 человек, которые в его отечестве салдатами были, и из оных иные померли, а другие в разные службы, от него ушед, вступили». Самозванец также предъявил изодранный «патент», полученный в Галле, но оказалось, что «переводить и экстракта из оного делать невозможно». Тут наш герой заявил: «А болше он никаких доказателств не имеет, потому что у них в Индии не обыкновенно (не принято. – *О. У.*) сосланным в сылку пашпортов и доказателств давать, а которые и были, и те уже он отдал в Коллегию иностранных дел».

Кроме того, он поведал, что «не для того по всей Европе ездил, чтоб ему под каким-либо претекс[т]ом (предлогом. – *О. У.*) денег нажить, как принц Либанон (Иосиф Хабейх. – *О. У.*) то учинил, но токмо он в своём нещастии ищет честного пропитания и тцтитца при славных европейских дворах всё видеть и поступкам обучатца. А когда его урочные годы выдут, то он по прошествии оных немедленно в своё отечество возвратитца... Також он в таком намерении сюды в Петербург приехал, дабы Ея императорскому величеству всепокорной поклон отдать и при императорском дворе несколько времени быть, понеже высокое име (sic!) Ея императорского величества во всей Европе прославляетца, також он слышал, что здес славные академии учреждены. Того ради он хотел у Ея императорского величества (ежели б он допущен был) позволения просить, дабы с здешними учёными профессорами видитца, и их наук видеть, и, к чему у него охота будет, от них обучатца, а потом город Москву видеть, как он о том уже представлял. Буде же он пред Ея императорское величество допущен не будет и во всём его желании ему отказано будет, то он намерен назад в Швецию ехать. Напоследи он зело печалитца, что он не сподобился желание своё исполнить, и всепокорно

просит, чтоб ему как наискорее резолюция учинена была, понеже он не смеет без позволения из квартиры выходить, и просит, чтоб с ним милосердие показано было».

В середине – конце ноября 1734 года Коллегия иностранных дел отправила соответствующие документы членам кабинета Её величества А. И. Остерману и А. М. Черкасскому. «Российские министры, выслушав подробное повествование о странствованиях индийского принца, и, судя по тогдашнему состоянию политических дел, о многих связях его, не дозволили ему долго быть в России». Видимо, не позже декабря самозванец получил от имени царицы некоторую сумму денег и уехал за границу – очевидно, в Швецию, как и собирался. Больше о нём в России не слышали...

Источники

АВПРИ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3.

Малиновский А. Ф. Известие об отправлении в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев – с 1469 по 1751 год // Глазами друзей: Русские об Индии. М. 1957. С. 382–383.

Примечания

¹ См.: Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.; Л. 1936. С. 56, 187.

² «В анатомии индусы, можно сказать, ничего не смыслят... Они никогда не вскрывают трупов людей или животных; это внушает им такой ужас...» // Бернье Ф. Указ. соч. С. 282.

³ Бернье Ф. Указ. соч. С. 247.

⁴ Видимо, учебный курс «Jus naturae» («Естественное право») по работам Самуила Пуфендорфа (1631–1694), знаменитого германо-шведского юриста и историка.

⁵ Гуго Гроций (1583–1645) – знаменитый голландско-шведский юрист, богослов, историк, политик.

⁶ Брамин (брахман) – представитель высшей (жреческой) варны в Индии.

⁷ Возможно, речь идёт о г. Мальда в Бенгалии – на левом берегу Ганга чуть севернее его дельты.

⁸ На самом деле Агра уже давно не была столицей империи Великих Моголов.

⁹ Пакет-яхта (пакетбот) – небольшое морское почтово-пассажирское судно.